

Анна Михалевская

Тодосий

Посвящается моему дяде, погибшему в Великую
Отечественную войну

Круговая порука рода. Вчера не сделал, сегодня не вспомнят. Сегодня не вспомнят и завтра сами не смогут сделать. Не из вредности и неумения, а будет некогда и незачем. Может, и некому.

Стоит человек на сцене, он горд успехом – получилось, свершилось, всего добился сам! Но кто посчитает опыт неудач всех тех стремившихся и не успевших, два шага не добежавших до сокровенного счастья, прерванных войнами, революциями, скитаниями по чужбине? Имен их не сочтешь, они – это ты и твое место в мире. Каждый по капле много сотен лет собирал тебе на приданое драгоценности своих неудавшихся жизней – держи, это все, что у тебя есть! Не так уж много, но большего и не нужно.

Кажется, что время движется по прямой, но иногда оно замыкается в круг. Вчера прошел мимо любви – к женщине, к жизни, к истине – она встретится сегодня, а не примешь – постучится завтра к твоим детям, внукам, правнукам, и кто-то да откроет ей двери.

* * *

Тодосий смотрит на нее и улыбается. Впервые с момента приезда в город он действительно хочет улыбаться, а не кривить рот в усмешке, слушая по-деревенски незатейливые разговоры родственников. Он не презирает их, даже по-своему любит и еще немного жалеет... или завидует – им ведь так немного надо.

А с Таей все по-другому. Они живут в соседних комнатах, и он подкарауливает ее, облокотившись на шершавую штукатурку стены, в руках – блокнот с новым, написанным за ночь стихотворением. Выходя, она непременно обернется, чтобы отыскать его горящий взгляд, и отрепетированное перед зеркалом кокетство отступит в тень, оставив поле боя за робкой победительницей, первой любовью.

«Заговорит, промолчит? Все же профессорская дочка», – гадает Тодосий и медленно подходит к раскрасневшейся девушке, чувствуя, как у самого загораются щеки. Ему не по себе. Дырявые ботинки жмут, доставшиеся от дяди штаны висят мешком, липнет к телу латаная рубаха. Но он не желает ждать! Новые штаны Тодосий купит потом – когда прославится, а вот Тая может уехать завтра в другой город, выйти замуж, забыть о нем. Он не гонится за долгой и счастливой жизнью, ему достаточно мига, а после – хоть пожар, хоть потоп.

Они легко подружились, да и в чем могло быть препятствие? Хаос войн и революций изодрал в клочья приличия и обычаи, выставив человеческие натуры напоказ: одним не нашлось чем прикрыться, а другим – что скрывать. Время больших потерь и больших возможностей. Но Тодосий не складывал и не вычитал своих шансов – он пошел за Таей потому, что хотел этого, не задумываясь, куда приведет дорога.

Кто-то обустроивался в разрушенном революцией мире, кто-то бредил морем, кто-то коммунизмом, а Тодосий был одержим писательством. Эта его склонность произросла сама собой на неблагодатной почве деревенского быта – в нищей семье родился мальчик, который складно писал и мыслил, рвался в школу, как его сверстники – в игры, и научился мечтать к тому времени, как другие смирились с безысходностью. Тодосий подрастал, жадно глотая книги, какие смог отыскать в бывшей церковной библиотеке. Не имея мудрости ученой и полагаясь целиком на житейскую, родители не стали чинить сыну препятствий. Стоило юноше немного окрепнуть для самостоятельной жизни, они благословили сына и отправили учиться в город. Так Тодосий и оказался в коммунальной комнате дяди, по соседству с профессорской семьей, по соседству с Таисией.

* * *

Скучая в школе журналистики, Тодосий оживал рядом с Таей, взахлеб пересказывая девушке истории вымышленных героев, искренне веря, что сам однажды станет таким. Тая внимательно слушала, заражаясь верой Тодосия и все больше погружаясь в их мир – один на двоих.

В солнечном пропахшем морем городе было трудно не думать о любви, не верить в счастье и не мечтать о славе. Тодосий не хотел признания на века, ему достаточно мига. Когда другие спокойно работали, женились и растили детей, строптивая натура выворачивала Тодосия наизнанку, заставляя искать, ошибаться, падать, вставать, снова искать и стремиться к тому, чего не было и, возможно, не будет. Он не знал: благословение это, проклятие? Уверился только в одном – он выбьет из мира признание! Его усилия не пройдут даром!

Но мир не спешил покоряться дерзкому мальчишке – дурманил голову ароматом весны, бросал в глаза пыль раскаленных улиц, заставлял карабкаться в окна Таи, напускал бессонницу, путал мысли. Юноша не находил себе места, он был влюблен.

Раз Тодосий даже подрался за Таю с хулиганами. Изрядно поколоченный, он все-таки вышел победителем. А после жадно ловил восхищенные взгляды девушки и закрывал глаза от удовольствия, когда Тая прикасалась к его руке, накладывая повязку на рану. «Вот он, миг счастья, и сколько их еще впереди!..» – мечтал Тодосий, разомлевший от ушибов и заботы Таи.

Летние вечера сменялись один другим – ласковые, предательски безмятежные – в пору радоваться да жить, вот только как? Тая с Тодосием тянулись друг к другу, но, оставаясь наедине, терялись. Они не могли найти слов и, мучаясь неродившимся пониманием, крепко сжимали руки, надеясь, что пройдет, отпустит, станет легче. Но легче не стало: на следующий день эхом пронеслось по городу слово «война».

Они стоят в обнимку на бульваре – так что Тае заметны строчки стежков на новой, вышитой ее руками рубашке Тодосия. Она запоминает каждую мелочь – смоляная прядь волос, упавшая на лоб, хищный птичий нос, прищуренный чуть насмешливый взгляд, пальцы нащупывают шрам под локтем юноши – этого должно хватить

надолго, может, на всю жизнь. Рядом мелькают люди – плачут, кричат, куда-то бегут, а они молча изучают друг друга, против всякой данности надеясь сохранить, спасти, уберечь.

Сначала не верилось, а потом пришел страх. К войне нельзя привыкнуть, в ней можно только выжить, или погибнуть, так и не смирившись. Тодосию тоже было страшно, но он знал, как сражаться, – раньше юноша вел бои с безликой силой обстоятельств, а теперь у врага появилось лицо.

«Так даже проще, – думал Тодос перед боем, и огонек его папиросы беспокойно подрагивал в темноте. – Вот он, мой миг, а после...»

Когда Тая держала в руках письмо Тодосия, в котором непогода размыла все слова, его автора уже не было в живых. А днем раньше в беспощадных кострах страха перед новой бедой догорел последний блокнот со стихами юноши.

Семью профессора репрессировали. Вдребезги рассыпалась Тайна жизнь – по лагерям, тюрьмам, чужой земле. Но осколок остался. Драгоценный осколок непрожитого счастья. Тая вернулась в родной город, научилась жить заново, родила сына. Настоящие чувства не убить. Их можно втоптать в пыль, но они прорастут снова. Сквозь корку обугленной земли. Сквозь горе и потери.

* * *

Историю Тодосия я узнала гораздо позже, чем научилась превращать слова в мысли и чувства. И не случись того разговора вовсе, я вряд ли бы стала относиться к своему увлечению с меньшим или большим рвением. Но теперь, делая новый шаг, я знаю, что иду по дороге, где когда-то легко ступал окрыленный мечтой, непокорный обыденности юноша Тодосий, так мало и так ярко проживший среди людей. И я верю – придет день, когда обугленные строки Тодосиевых сочинений, давным-давно исчезнувшие в прозорливой пасти войны, снова будут придуманы и написаны. Помните? Время иногда замыкается в круг.